

Плач о дяде двоюродном

Племянница вопит:

Я сижу да нонь-ко, белая лебедушка,
Уж я долгую, осенну сижу ноченьку;
Уж я жгу эту лучинушку сосновую,
Я топлю эту свещу да воску ярого
Супротив нонь сдвуродимого я дядюшки!
Я гляжу-сижу во ясны его очушки,
Я творю да все Исусову молитовку,
Прошу Господа-Бладыку со слезамы,
Пресвятую Богородицу с горячима,
Штобы дал ему Господи здоровьица
И наставил бы долга ему векушка!
Я не знаю же, лебедушка, не ведаю:
Штó горит свеща ярая — туманится,
Пресвятая Богородица печалится?
Буйна гóлова моя да все кручинится,
Уныват столько победно ретливо сёрдче!
Я не знаю нонь, обидна красна девица,
Откуль напасть велика буде кручинушка?
Посмекаю я девоцьим умом-разумом,
С океян-моря напасть ли, моря синего,
Аль с холодной, с подсиверной сторонюшки,
Аль с темных лесов, незгодушка, дремучих?
Я в обидушке ведь е да не живала,
Про злодийную кручину не слыхала!
Нонь роздумаюсь печальным умом-разумом,
Наступат теперь великая незгодушка,
Как у нас да во унылом, во большом углу
Над желанным, спацлівым моим дядюшкой;
Он при трудной, болезной при постелюшке;
Час к часочику теперь да придвигается,
Заря утренья теперь да спорыдается;
Он не чувствуе породы именитой,
Он не знае нас, любимых столько плёмняток!

Уже так да он, желанной наш, труднёшенек,
Он при смертной теперь да при смерётушке!
Петухи уж по сараям возжупляют:
«Вы ставайте-тко, любима вся семеюшка!
Вы на резвыи на ножки подымитесь-ко,
Подойдите ко тяжелой вы постелюшке!»
Уж сосновая лучина пригорелась,
Воску ярого свеща да притопелась;
Едина сижу, победна, прискучалася;
Удаляется желанной ноньку дядюшка,
Он во дальнюю дорожку, безызвестную!
Вы простите, вся любимая семеюшка,
Прилагайтесь ко устам да ко сахарным!
От крепку сну оны тут пробуждаются,
Круг постелюшки оны да тут становятся!
Красно солнышко в завор да выкатается,
Как светел месяц за облаку туляется,
Часты звездочки теперь да потухают,
Ясны очушки с белым светом прощаются,
Как душа да с белым телом расставается!
Приукрылся наш желанной, родной дядюшка,
Он за темны леса за дремучии,
За высокие горы за толкучие,
За синии моря да за глубокии,
Вровень с облачками он да со ходячими,
Ко луны он наш свет да подвосточной!
Вы послушайте, желанныи родители!
Посудьячу я, победная, поретую,
Што вы прбспали нонь братца сдвуродимого,
Не сидели со мной темной этой ноченьки,
Не глядели вы во ясны его очушки,
Не смотрели вы во бело ему личушко,
Не спросили его тайного словечушка!
Я сама того, победна, сдивовалася!
Знать, на радости стали, на весельице;
Уж вы долгую осенню темну ноченьку
На пуховой перине прохлаждалися,
Крепким сном да вы, желанны, забавлялися!
Все приближнии суседы посрекалися,

Што спокинули болезну вы постелюшку;
Единá сидела темну эту ноченьку!
Я сидела темну ночь, да не боялася,
На больного я глядела, не страшилася,
Я злодийной смерётки не торопилась!
Глупо сделала печальная головушка!
Под раннюю зорю да во под утренну
Я повышла на новы сени решётчаты,
Отворила я крылечико перёное,
Отодвинула я дверь да тут дубовую;
Откуль возьмись перелётна эта птиченька,
Заблудяща, може, птиченька заморская;
Посмотрела я, победная головушка,
Аль сорока эта птиця поскакучая,
Аль ворониця она да полетучая?
Ан злодей эта — скоряя смерётушка!
Невзначай она в дом наш залетела,
Она тихо ко постели подходила,
Она крадци с грудей душу вынимала;
Укатилося великое желаньице!
Не поспела я, бедна-горегорькая,
Во минуту к белу лицу приклонитися,
С двуродимым милым дядюшкой проститися!
Кабы знала я, горюша, про то ведала,
Я сегодняшнего дёнечка Господнего
На пяту да новых двéрей не откинула б,
Я железны бы заложечки задвинула,
Не пустила б этой птиченьки незнамой,
Уж я этой злодей-скороей смерётушки
Ко сердечному, желанному я дядюшке!
Да вы слушайте, любима вся семеюшка!
Надо звать теперь людей да престарелых,
Как умыть да телеса его белёшенько
И одить его на тот свет хорошохонько;
Да ты слушай же, спацлива родна дяденька,
Как сидела да ты темным этим вéчерком,
Он сгибал свои несчастны белы рученьки,
Да он смахивал победны ясны очушки,
На нас, да на печальных головушек;

Он глядел да всё, надеженька, прямёшенько,
На тебя глядел, обидную, вострёшенько;
Испугалася желанна родна дяденька,
Што не весело наш светушко поглядыват,
Не от разуму наш свет да споговариват;
Ты отдвинулась, желанна родна дяденька,
Убоялася надежной туг головушки!
Я хоть возрастом ведь е да не малёшенька,
Я в годах еще дивиця молодёшенька,
Я невидного ведь згляду не боялася,
Неумильных его слов да не страшилася;
Я по старости лет ваших дивовалася!
Уж как я, да столько белая лебедушка,
В сон головушки ведь ночью не клонила,
На пуховую перину не ложилася,
Ко белу его лицу тут приклонялася,
На белых грудях, победная, свивалася,
Я плотнёшенько к сердечку прижималася!
Все я думала, печальная головушка:
«Сберегу да я от скорой смерётушки
Сдвуродимого желанного я дядюшку!»
Как по моему великому несчастьицу,
По закону ли теперь да судьбы Божьей,
Вдруг головушка моя да разболелася,
Бело личенько мое да разгорелось,
Тело нежное мое да распотелось;
Я повышла на крылечико перёное,
Я повышла на новы сени решётчаты,
Допустила тут злодийку-душегубицу!
Да ты слушай же, спацлива наша дяденька!
Уже нету золотой казны бессчётной,
Сходить в улички с тобой да во рядовые,
Сбегать в лавочки с тобой да во торговые,
Закупить да коленкоров этих черных,
Штобы сшить ему умёрше это платье;
Мы подумаем, желанна, с тобой, дяденька:
Нам не для цево с тобой да прославлятися,
Перед добрыма людмы да выставлятися;
Лучше сходим в мелкорубленыи клеточки,

Отоннем-ко мы ларчи да окованыи,
Оттуль вынем-ко трубу да столокотную,
Мы раздёрнем по столу да по дубовому,
Мы возьмем-ко с тобой швей да стародревниих,
Мы сошьем-ко по умершему то платъице
На веки то ему да нерушимыи!
Мы сокрутим-ко на йное живленьице
Моего ли света-дядю сдвуродимого.
.....

*Племянница, обращаясь к тетке,
продолжает:*

Да ты слушай-ко, спацлива родна дяденька,
Погляди-тко ты на шйроку на уличку:
Как у нашего крылечика перёного,
Што ведь плотнички-работнички постукивают;
Али дом оны у нас да перестраивают,
Светлу свётлицу ль оны да перерубливают,
Аль перёное крылечко переделывают?
Не того да оны плотнички постукивают!
Поразмыслим-ко победным умом-разумом:
Разбирают ведь оны да дубовы доски,
Оны делают немшёную хороминку
Про твою милу надежную головушку,
Про мбего спацливого про дядюшку!
Уж вы слушайте-тко, плотники-работники!
Вы берите золотой казны по надобью,
Вы устройте нам хоромину по разуму,
Прорубите-тко косевчаты окошечка,
Вы поставьте-тко стекольчаты околени,
Обнесите-тко бусовы белы лавочки,
Вы складите-тко кирпичну теплу печеньку!
Как отпустим мы надежную головушку
Да на эту на Иванску славну уличку,
Мы на эту на Варварьску славну буяву,
Как на стóснется, победнушкам, стоскуется!
Тут мы сходим ко надежной ко головушке —
По крылечику пройдем мы по переному,

Угостимся в тепловитом домовищечке!
Мы не ладно-то, лебедушки, удумали,
Мы не хóрошо, победнушки, уладили,
Што истратить по́пусту да золоту казну;
Лучше роздаим по нищей, меньшей братии,
Мы найдем лучше попов-отцов духовных
На урёчных, шесть долгиих неделюшек,
Мы запишем его в вечно поминание!
.....

Она же при выносе:

Я гляжу-смотрю, обидна красна девица,
Как у нас, у победных головушек,
Все сменилось нонь в хоромном строеньице:
Приуныв стоит любимая скотинушка,
У добрых коней головушки наклонены,
Лошадины оци в землю приутуплены,
Што ведь нет да большака в доме начальника,
На кониной нету стойлы управителя!
Хоть запряжены ступистые лошадушки
Во сбрую золочёную, во санки самокатныи,
Дубовое полозье порастрескалось,
Красовитая дуга вдруг разогнулася,
Золота сбруя помíдила,
Серебряны подковы пожелéзили!
На улете наш желанной родной дядюшка,
Уезжает да он, великое желаньице!

Она же к суседям:

Я в слезах прошу спорядных вас суседушек:
Не несут да столько резвы меня ноженьки!
Вы берите-тко под белы меня рученьки,
Проводите-тко к крылечичу перёному,
Мне поклон воздать суседям с благодарностью,
Не жалили што рабочей поры-времечка,
Постанóвили крестьянскую работушку,
Проводить пришли желанны оны дядюшку

До этой Божьей церкви посвященной!
Вы простите, все суседы спорядовыи,
Во всем тяжкоем его да согрешеньице;
Буде грубыим словечком огрубил кого,
Прибранил буде вас да пристыдил,
Вы не вспомните-тко злом его да лихостью!
Впереди пошли попы-отцы духовныи,
Вослед несут желанного там дядюшку,
Позади идем печальныи мы головушки;
У Божьей церкви роставатися
Будем на веки с им, да мы прощатися!
.....

Она же около церкви:

Дня субботы солнце к западу двигáется,
Час к часочуку теперь да коротается,
От минуты ко минуты придвигается;
Добры кони путь-дорожку поспешают;
У Божьей церкви кони становилися,
Кругом добры эти люди обстолпилися;
Как народ да того люди сдвивовалися,
Обо мне бают спорядныи суседушки,
Што тоскуе по желанном она дядюшке,
Кажись, в живности бажёныи родители!
Не дивуйте того, добры многи людюшки;
То не дядюшка ведь был, да второй батюшко!
Всем известно вам, суседям спорядовым,
Про мое было девоцье возрастаньице:
Украшал да ведь он вольну мою волюшку,
Уласкал он меня, белую лебедушку,
Говорил всегда желанной милой дядюшка:
«Ты послушай столько, белая лебедушка,
Буде даст да Господь доброго здоровьица,
Улажу тебя, белую лебедушку,
Изукрашу твою вольну эту волюшку;
От родителей придрокушки не видано,
От их ласкова словечушка не слыхано».
С того жаль мне сдвуродимого ведь дядюшки,

За его жаль за великое желаньице!
Нонь сердечушко мое да разгоряется,
Ушибат столько злодийная тоскичушка!

Она же на могиле:

Ворочусь еще, обидна красна девушка,
Я ко этой могиле обложёной!
Прозабыли мы, желанна с тобой дяденька,
Во-первы́х звать во любимое гостибише!
Да ты слушай, свет-желанной милой дядюшка,
Побывать когда к победным нам головушкам
Ты во свой дом, во крестьянску нашу жирушку?
Сожидать буду, душа я красна девушка,
Я сидеть буду, победна, под окошечком,
Ясны очушки держать да во чистом поле,
Я глядеть-смотреть на шíроку дороженьку!
Ты скажи да нам, светушко, пожалуйста,
Когда ждять тебя в любимое гостибише,
О Владычном ли Господнем Божьем праздничке,
Аль о Светлом о Христовом Воскресеньице?
В рабочую ли ждять пору-во времечко,
Аль в начатии урёчной неделюшки?
В понеделничёк по ўтрышку ранёшенько,
Аль во вторник по вёчеру позднёшенько,
Аль в полдень во середу красного ждять солнышка?
Хоть чистым полюшком лети да черным вороном,
Ко селу лети ведь ты да ясным соколом,
Ко крылечушку скачи да серым заюшком,
По крылечику беги да горносталюшком —
Не убоюсь того, белая лебедушка,
Выду, стричу на крылечике перёном,
С тобой сдию тут я доброе здоровьице!
По новым сеням поди да добрым молодцем —
Тут возрадую любиму всю семеюшку!
Буде спят мои желанны там родители,
Подойду да ко кроватушке скорёшенько,
Розбужу светов-родителей смелёшенько:
«Вы ставайте, мои милыи родители!

Как у нас да во хоромном строеньце
Белой светушко теперь да вдруг россвѣтился,
Вроде красно у нас солнышко порѳспекло;
Объявился вдруг любимой у нас гостюшко,
Засмотреть пришел желанной ведь наш дядюшка!»
Тут родители мои да испугаются,
На меня тут на девичу разругаются:
«Што ты врешь-манишь, белая лебедушка!
Ты тоскуешь по желанном милом дядюшке!
Столько нет да того на́ свете не водится,
Штобы мертвый с могилы ворочался;
Аль во снях тебе, горюше, приявилось,
С крепку сну да ты скоренько пробудилась?
Сотвори да ты Исусову молитовку,
Да ты ляг-ко на пуховую перинушку,
Да ты крест клади, голубко, по-писаному,
На спокойну ляг на темную на ноченьку!»
Нонь раздумаюсь печальным своим разумом:
Не выращивать дерева суховерхого,
Не дожждаться век любимого мне гостюшка!
Нонь бы несли резвы меня ноженьки,
Не даё итти ретливое сердечушко,
Мне со этой могилушки умёршей!

По приходе домой, у крыльца продолжает:

Нонь пойдём-ко, свет-желанна мила дяденька,
Мы во свой дом, во хоромное строеньце,
Там повзыщем свет-желанного мы дядюшку,
По светлой повзыщем его свѣтлице,
По двору мы повзыщем колесистому,
По сараю ли повзыщем хоботистому,
Во дворе да у любимой мы скотинушки,
И на стойлы у любимых мы лошадушек!
Не могу найти, победная головушка!
Не шел ли-то к спорядным он суседушкам,
На совет да он на крепкую на думушку,
Приложить совет о бедной своей жирушке,
О своей ли-то крестьянской о работушке?
Знать, все думушки его да е обдуманы,

Всесесветно попеченьице отложено,
Во едiну путь-дороженьку отправленось!
Пооставил нас, победных головушек,
Словно гýсей в темном лесе заблудящих,
Водоплавных быдто утушек подшибенных!

Обращаясь к тетке, утешает:

Ты послушай-ко, спацлива родна дяденька,
Сирота-вдова, горюша безнадёжная:
Без своей да без любимой семеюшки
Ты не дольщичка крестьянской будешь жирушки,
Не участница участку деревенскому,
Не пристройщица хоромному строеньицу,
Ты не пайщичка любимой скотинушки!
Спростовалась ты, победна моя дяденька!
Была в живности любима как семеюшка,
Ты завету у него да испросила бы,
Хоть третиночки во малых бы во поженках,
Хоть бы треть да во любимой скотинушке;
Почитали б тебя сродчи-милы сроднички,
Не обидили б, победную головушку!
Ты сама того, горюша, сплеховалася!
Теперь все прошло ведь е да миновалось,
Все укрылися луговые долиночки,
Отдалилися дворовые третиночки!

.....
Уже слушай-ко, спацлива родна дяденька!
Как спесив больно родитель у мня батюшко,
Да ведь здорная желанна моя матушка!
Приобидят хоть спацливу тебя дяденьку,
Пройде бранное словечко несговорное —
Надо грубость-то за благость принимать!
Тут головушка твоя да закручинится,
Сердечушко твое да заобидится;
Тут ты схватишься, желанна моя дяденька,
За прежню свою жизнь да за хорошую!
Как жила да за надёжной ты головушкой,
Не корилася братцу сдвуродимому,

Ты не кланялась сестрице богоданной;
Топерь-нонечки, желанна моя дяденька,
Много-множество кручины принакопится!
Содержи да на ретливом ты сердечушке,
Бедна, пóчасту к суседям не похаживай,
Про кручинушку суседям не росказывай,
Ты не жа́луйся на братца сдвуродимого,
Не жа́луйся на свирепу мою матушку!
Нонь суседушки по мне да не смолчливые,
Донесут моим желанным родителям;
Тут свирипиться желанной буде батюшка,
Пойде гордость у родителя-у матушки,
Неприятность у любимой у семеюшки!
Стане пó избы родитель моя смахивать,
Тут правой ногой она стане прищáлкивать,
Наговорама она да наговаривать,
Надавать буде обиды к ретливу сердчу:
«Што же ходишь ко суседям ты поздёхонько,
Творишь жалобы на нас да обиднёхонько!
От хоромины, кажись, ты не отказана,
От дубового стола да не отведена?»
Тут раздумаюсь, обидна красна девушка,
По закону бы теперь да все по Божьему
Мне-ка стать бы по бажёной родной матушке,
Как по твоему великому желаньицу
Быть заступой по бажёной мне по дяденьке;
Уговаривать родитель буду матушку,
Буду совестить родителя я батюшку:
«Унимай да ты любимую семеюшку,
Не давай воли родителю всё матушке!
Не обидьте-тко спацливу мою дяденьку,
Вы не слушайте суседей спорядовых,
Попусту́ да злыи людюшки набаются,
Принаскажут на желанную на дяденьку,
Штобы здор пошел в любимой семеюшке!
Да вы Господа-то Бога хоть побойтесь-ко,
Постыдитесь хотя ж добрых-то людюшек!
Был как в живности желанной мой ведь дядюшка
Оны растили сердечных ваших детушек,

Все крутили нас, победных головушек!
Не забудьте-тко, желанныи родители:
Не вековая желанна у нас дяденька;
Ужо день за день теперечко минуется,
И неделя за неделей коротается,
Идут годышки, как птича пролетает,
Также ейной-то век да умяется!
Не поскучьтесь-ко, желанныи родители,
Не обидьте-тко спацливу мою дяденьку,
Вы держите-тко победную по-старому,
Почитайте-тко печальную по-прежнему;
Студеной зимой вы ю да не знабите-тко,
В летну пору со двора вы не гоните-тко,
Вы голодной смерёткой не морите-тко!»

.....
Да ты слушай-ко, желанна моя дяденька!
Как во светлой ли Господень Божий праздничек
Вся усядется любимая семеюшка
За дубовой стол оны да хлеба кушать,
Как мои светы-желанныи родители
Соберутся со сердечныма со детушкам,
По скамеечкам рассядутся кленовымим,
Я згляну да тут вокруг стола дубового,
Сдогодаюсь того, белая лебедушка,
Где же ходит жалослива моя дяденька?
Во домаы она теперь не обявляется,
К дубову столу она не придвигается;
Ворочусь да тут, горюша, поскорёшенько,
По новым сеням пройду да суровёшенько,
Я ко светлой пройду скоро ко свётлице!
У дубовых дверей да я подумаю,
У порога постою да я послушаю,
Я заведу спацливу родну дяденьку:
Не кокоша во сыром бору кокуе,
Родна дяденька во горенке тоскуе!
Подойду, бедна горюшица, тихошенько,
Воспроговору, девиця, жалобнёшенько:
«Не тоскуй, моя спацлива родна дяденька,
Не давай тоски в ретливое сердечушко,

Ты назолушки во зяблую утробушку!
Нонь пойдём, моя спацлива родна дяденька,
За дубовой стол пойдём да хлеба кушать!
Не придайся во злодийную кручинушку,
Я зову тебя, желанну, со усердием
За этии обеды за воскресныи;
Вся собралася любимая семеняшка,
За столом сидят оны да хлеба кушают;
Я схватилася за желанну тебя дяденьку:
Верно, плачет она в светлой новой свѣтлице,
Лежит грудью на косевчатом окошечке;
Подойду да ю под правую тут рученьку,
Кого нет да ведь, родитель, того негде взять!
Не оставлю тебя в светлой я во свѣтлице
Слёзно плакать у косевчата окошечка;
Мы пойдём да по новым сеням решѣтчатым,
Мы менять будем кручину на весельице!
Ты пойдиди к столу да ко дубовому,
Ты садись там на скамеечку кленовую,
По рукам да у меня кладена ведь ложечка,
Все по разуму да ествушки сахарнии,
По устам да тебе питьице медвяное!
Уж ты дѳсыта, родитель, наедайся-тко,
Уж ты дѳлюби, родитель, напивайся-тко!»

.....
Да ты слушай-ко, спацлива родна дяденька!
Не впадись в тоску-великую кручинушку,
Не склонись да во тяжелую постелюшку,
Ты со этой со страсти-с переполоху!
Могу знать-ведать, душа я красна девушка,
Про тебя я про желанную про дяденьку:
Без угару болит буйная головушка,
Без ветрѳ крушит ретливое сердечушко,
Со тоски твоя утроба перетрескалась!
Нет надиюшки тебе да приберегушки,
Нет сердечных рожѳных у тя детушек.
На сдвольныи, заботныи на хлебушки!
На роздий нету великой кручинушки!
Уласкаю тебя, белая лебедушка,

Я прелестныма, ласковыма словечикам;
Устелю тебе пуховую перинушку,
Подле лягу с тобой, белая лебедушка,
Потихошеньку тебя буду упрашивать,
Со кручинушки тебя я разговаривать:
«Не тоскуй, моя желанна родна дяденька!
Не покину тебя, белая лебедушка,
Хоть при старой тебя древней я при старости!
Утоплю да теплы парны тебе баенки,
Я умою тебя, дяденьку, белёшенько,
Я упáрю тебя, милу, хорошохонько!
Я схожу да в лес за красныма ягодкам,
Угощу тебя, сердечное желаньице!
Еще слушай-ко, спацлива моя дяденька:
Хоть пойдём мы на крестьянскую работушку,
Нас отрядят хоть желанныи родители,
Говорить да стану белая лебедушка:
«Не трудись, да моя дяденька, труднёшенько,
Лучше сядь да под ракитовой под кúсточек,
Посдохни да на катучем синем камышке!
Место тя да я работой поработаю;
Не порбóскажу желанныим родителям,
Сберегать буду желанну тебя, дяденьку,
Во своей пока девоцьей я во волюшке».

.....
Еще слушай-ко, спацлива родна дяденька:
Теперь времечко у нас да приоббóйдется,
Спорядовыи суседи пораэойдутся,
Сродчи-сроднички у нас да поразъедутся;
Тут повыбором слободну пору-времечко.
Мы о Светлом о Христове Воскресеньице
Да мы пóйдем в Божью церковь посвященную.
Поминать будем великое желаньице!
Тут повыйдем на могилушку умёршую,
Посидим да мы, несчастны, докуль хочется,
Угостимся мы, победны, с тобой дóлюби,
Мы у этого креста животворящего!
Припадем мы ко сырой земле плотнёшенько,
Причитать будем с тобой мы умильнёшенько;

Тут повыскажешь великую обидушку!
Ты расскажешь про злодийную кручинушку,
Посоветуешь о бедной своей жирушке,
Позовешь да на крестьянскую работушку!
Не прознают того добрыи людушки!
Не проведает спорядныи суседушки!

.....

Тетка отвечает:

Возношу тебе спасибо с благодарностью,
Моя тёплая, сердешная сугревушка,
За твое я за великое желаньице,
За твое да за велико доброумьице!
Ты придай мне ума-разума в головушку,
Еще розмыслу в ретливое сердечушко:
Где работушка, победной, работать буде,
Горька молодость, победной, провожать мне-ка?
Аль даваться на родиму мне на родинку,
Аль кориться к светушкам-братцам родимым?
Согреваться у кирпичной твоей печеньки?
Мне с кого глядеть довольных этих хлебушков?
Знаю-ведаю, кручинная головушка,
Хоть зовут да светушки-братцы родимыи
Хотя ж манят-лестят сестрицы сдвуродимые,
Меня жить да на родиму свою родинку,
Там не гостыцей буду я — подворницей,
Не судьей буду, победная, — остудницей!
Пораздумаю несчастным своим разумом:
Какой нрав-то у братцев у родимых,
Какой разум у сестриц да богоданных!
Светы-братцы мои да горделивыи,
Как сестрицы богоданные — спесивые!
Не житье да на родимой буде родине —
В переездах я, победна, намотаюся,
С переходами, победна, ростеряюся,
Роздержу да золоту казну бессчётную,
Я истрачу всю любимую покрутушку!
Отвечать да буду братцам я родимым,

Разговаривать сестрицам богоданным:
«Не зовите на родиму меня родину;
Да вы будете обидну обижать,
Во дворе держать горюшицу коровницей,
Во избы держать победную подворницей!»
Не радию я, печальная головушка,
По шаткам пойти победнушке, по пѳзорам,
По чужим пойти обидной подворьяцам!
Знаю-ведаю, печальная головушка,
Уж как это чужое зло подворьяце,
Быдто зимнее холоднее погодьяце!
Каково тепло от буйного от сивера,
Таково добро сестриц да богоданных!
Пораздумаюсь несчастным своим разумом:
Не поеду я со мужьего поместьяца,
Я со эта тепловитого со гнездышка!
Не надюшка на братцев на родимых,
Не желанье от сестриц да богоданных!
Поживу в своем хоромном строеньце,
В послушаньяце у братца сдвуродимого;
Воскормит он до древней меня старости,
Обует мои резвыи он ноженьки,
Не наскучат им сердечны мои детушки!
Единым бедна горюша единешенька!
Да я греться у кирпичной буду печеньки,
Об этой я студеной, холодной зимой,
Когда ж сгруснется свет-братец сдвуродимой,
Как слихуется сестрица богоданная
На меня, да на победную головушку,
Што не трудница у нас да не работница,
Разорят она крестьянску нашу жирушку —
Закреплю свое ретливое сердечушко,
Наклоню свою печальную головушку,
Тут повыду с тепловитого со гнездышка,
Я ответу им не отдаваю,
Я назолушки к сердцу не прибавляю;
Лучше выду на крестьянскую работушку,
Скоротаю день до позднего до вечера!
Не узнают того добрыи-то людюшки,

Уж я сы́та ли сегодня, голоднёшенька,
При кручинушке ли я, да веселёшенька?
Не проведают спорядные суседушки,
Што обидныма словечкама обижена,
Што я грубныма, победная, огрублена!
Росказать ли мне во добрыи во людюшки
Про свою да всю великую кручинушку?
Не помогут того добры мне-ка людюшки,
Приосудят тут печальную головушку!
Содержу тоску-великую кручинушку
На своем лучше победном сердечушке,
На несчастной печальной я утробушке;
Я приду да со крестьянской как работушки,
Я во свой дом во крестьянску приду жирушку,
Я згляну тут на сетрицу богоданную,
Она с вёсела ль, голубушка, поглядыват,
Она ласково ль со мной да разговариват?
Весела буде сестрица богоданная,
Подойду, бедна горюша, потихошеньку,
Я спрошу, бедна-победна, помалёшеньку:
«Состряпана ль стряпня да ведь вечёрная,
Скоро ль накрывать столы да всё дубовыи?»
Как ответит мне ветляная нештушка:
«Прибирается любимая семеюшка;
Да вы ставьте-тко столы да всё дубовыи,
Уж вы ладьте-тко ўжины вечерные,
Садитесь-ко за стол да хлеба кушать!
Вы ложитесь на покойну темну ноченьку,
Приустиали вы сегодня-сего денечка,
Протрудились на крестьянской работойушке!»
Я возрадуюсь, печальна горепаша,
Што невестка до меня да сжаловалась,
Всё подбрила победную головушку!
Хоть и ласковы словечушка — прелестные
Желаньице у ей да не сердечное!
Тут я лягу на покойну темну ноченьку
На унылую тесовую кроваточку,
На печальную пуховую перинушку,
На слезливо круто складнее сголовице!

В добры люди я виду не даваю,
Темну ноченьку слезамы обливаюсь!
Тут роздумаюсь, победная головушка!
Прозабыла сказать ветляной я нештушке,
Што будіте-тко по ранному по утрышку,
Розрядите на крестьянскую работушку;
Не проспать бы нонь, победной мне, долгошенько,
Наб повыстать-то по утрышку ранёшенько!
Я смахну свои белы эти рученьки,
За обидную, за бладную головушку;
С горя на несчастну грудь на белую,
Подожму свое ретливое сердечушко!
Пройде вёшня эта ночь да не выдаюца,
Я не сном да темну ночку коротаюца,
Я горючима слезамы обливаюца,
Так ведь Бог судил победной жить головушке!
На делу́, видно, несчастье доставалось,
На роду́ я уродилась несчастная!
Тут роздумаюсь победным умом-разумом:
Мне куды с горя пойти да угоститися?
Опришённа от спорядных я суседушек,
Не посмию подойти к женам ко мужниим;
Отдали буду, обидная, постаивать,
На счастливых на замужних жен поглядывать!
Стоят жёны со мужевьями, ликуются,
Со сторон да смотря, людюшки дивуются!
Тут раздумаюсь несчастным своим разумом:
Со кручинушки куды да мне броситься?
Приберу себе такую же пожайщицу;
Мы отойдем от народу-людей добрых,
Да мы сядем от людей тут в устороньце,
Станем думать эту крепкую мы думушку,
Память станем надежных головушек!
Тут расплачемся мы, вдовушки победные,
Тут мы ду-другу обидушку повыскажем,
Про обидушку у ду-друга повыспросим,
Штобы добрыи нас людюшки не видели,
Сдвуродимыи-то братья не замигали!
Хоть пойдём да мы, победныи головушки,

По одной пути-широкой дороженьке,
Мы приза́ймемся великим розговорушком;
Тут дороженьку пройдем да не выдаюца,
Про несчастну свою жизнь да рассуждаюца:
«Не высоки терема живут вдовиныи,

.....
Не красны́ дни без красного солнышка,
Невесело нам жить без семеюшек!
Напрасничка про нас, как порог, шумит,
Пустословьице про нас, быдто гром, гремит,
С небылицы буйна го́лова шатается!»
Тут мы крест кладем, горюши, по-писáному,
Мы поклон ведем, горюши, по-учёному,
Сотворим да мы славу Царю Истинному:
Пособи да нам Бладыко Царь небесный
Повытерпеть злодийную напрасничку,
Да нам йзнести велико пустословьице!

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.